

Пролог

Не раз в каком-то полубытьи, где-то между сном и явью, передо мной предстал образ молодой женщины с длинными черными волосами, которые переливались на солнце словно обсидиан. Во сне я совсем малыш, она крепко прижимает меня к груди, что-то напевает и нежно смотрит на меня миндалевидными глазами. Женщина всегда одна и та же. Не знаю, кто она и почему так часто всплывает в моем сознании. Не знаю даже, существует ли она, но во сне кажется настоящей. Почему-то в глубине души я тоскую по ней. Кем бы она ни была, она меня любит. Или любила. А я люблю ее.

Это история о том, как я нашел эту женщину. А между тем нашел и любовь.

Глава первая

7 декабря, среда
ЧИКАГО

В «Данкин донатс» вошла журналистка газеты «Ю-Эс-Эй тудей». Она выглядела обеспокоенной и измотанной, как, впрочем, почти все в центре Чикаго. Мой агент договорился об интервью на два часа в кафе недалеко от Миллениум-парка. На часах было уже десять минут третьего.

Девушка огляделась и, увидев меня, торопливо двинулась вперед.

— Извините, что опоздала, мистер Черчер, — выдохнула она, бросив сумку на свободный стул между нами. Размотала шерстяной шарф, скрывающий шею и подбородок. Щеки и нос ее покраснели от мороза. — Надо было ехать на метро. Припарковаться в центре Чикаго так же непросто, как найти в этом городе честного политика.

— Ничего страшного, — окинул я ее взглядом. На вид ей было двадцать два, может, двадцать три, от силы двадцать пять лет. С каждым годом они все моложе и моложе. Или это я старею. Пока она стягивала с себя зимнюю обертку, я отпил кофе.

— Как же холодно. Теперь я понимаю, почему этот город прозвали ветреным.

— Погода тут совершенно ни при чем, — возразил я. — Как-то раз нью-йоркский редактор «Сан» обозвал Чикаго городом ветров, потому что посчитал местных жителей хвастунами. Мол, любят пускать пыль в глаза.

— Не знала, — удивилась моя собеседница.

— Заказать вам кофе?

— Нет, спасибо. И так уже порядком вас задержала.

Пройдя через полсотни интервью для прессы, я понял, что с журналистами всегда надо быть начеку, как с бродячими псами. Может, они и безобидны, но в целях собственной безопасности не стоит забывать, что любой из них может укусить. Еще усвоил то, что слова «только между нами» означают не что иное, как «не забудь включить диктофон, детка, потому что сейчас ты услышишь всю ту грязь, которую так ждала».

— Как поживаете? — наконец-то устроившись, поинтересовалась девушка.

— Неплохо, — ответил я.

Она вынула из сумки диктофон и положила его на стол.

— Вы не против, если я буду записывать наш разговор?

Стандартный вопрос. И каждый раз меня так и подмывает сказать «нет».

— Да, конечно.

— Отлично. Тогда начнем. — Она нажала на кнопку, и на приемнике замигала красная лампочка. — Я беру интервью у автора бестселлеров Дж. Черчера. Для праздничного выпуска нашей газеты. — Подняла глаза на меня: — Мистер Черчер, могу я называть вас Джейк?

— Как вам удобно.

— Джейк, вышла ваша новая книга. Она еще не успела занять первые строчки рейтингов, но уверена, что победа не за горами.

— Не люблю загадывать, — отрезал я. — Но сегодня среда, значит, уже днем мы все узнаем.

— Вы, без сомнения, пробьетесь в лидеры.

— Бряд ли, но будем надеяться.

— Расскажите, что для вас значит это время года?

Я отпил кофе, поставил кружку и обвел рукой пончиковую.

— Вот это все. Разъезды. Интервью. Много кофе. Много автографов.

— Вчера вечером вы подписывали свои книги в...

— В Нейпервилле.

— Точно. Как все прошло?

— Неплохо.

— Много ли на встрече было читателей?

— Сотен пять или шесть. Все как обычно.

— Сколько городов вы объехали на этот раз?

— Кажется, двенадцать. Нью-Йорк, Бостон, Цинциннати, Бирмингем, Даллас... Остальные не помню.

— Вы, должно быть, устали. Когда завершится тур?

— Это последняя остановка. Через четыре часа лечу домой.

— Значит, отправляетесь обратно в Айдахо?

— В Кер-д'Ален, — уточнил я, будто бы город был самостоятельным штатом. — Я лечу в Спокан.

— Домой на праздники. Как проходит Рождество в доме Черчера?

Я замешкался.

— Вы правда хотите знать?

— Это центральная тема статьи.

— Как правило, скучно.

Она засмеялась.

— Вы проводите это время с семьей, с друзьями...

— Нет. В полном одиночестве. Открываю подарки от агента и издателя, выпиваю пару стаканчиков эгг-нога с виски и смотрю футбольные матчи, которые пропустил за время поездки.

Очевидно, мои слова слегка огорчили девушку.

— У вас есть рождественские традиции?

— Да, я вам их только что перечислил.

Она расстроилась еще больше.

— А каким было ваше Рождество в детстве? Есть какие-то особенные воспоминания?

Я медленно выдохнул.

— Что значит «особенные»?

— Было ли такое Рождество, которое навсегда осталось в памяти?

— Было, — мрачно улыбнулся я.

— Не расскажете?

— Поверьте, это не то, что вы хотите услышать.

— И все же.

— Ну, ладно. Рождественский день. Мне семь лет, в комнату входит мать, я сижу на полу и играю с подарками. Она злится, кричит на меня за то, что я устроил такой бардак. Заставляет сходить на кухню и принести тяжелую деревянную ложку. Потом спускает с меня штаны и бьет. В нее будто демон вселяется. Она бьет и бьет, пока ложка не ломается.

Потом запихивает в чемодан мои вещи, выволакивает меня на улицу и говорит, чтобы я искал себе другое жилье. Я простоял там почти три часа, дрожа от холода. Понятия не имел, как быть, не понимал, что должно произойти. Потом решил, что матери всегда так поступают с детьми, которые им больше не нужны. Я просто ждал и надеялся, что кто-нибудь пройдет мимо и заберет меня с собой.

Прошло три часа, уже больше часа, как стемнело, я замерз и хотел есть. В конце концов я подошел к двери и постучал. Она открыла только через пять минут. Встала в дверях и уставилась на меня. Потом спросила: «Чего надо?»

Я невнятно спросил, можно ли мне вернуться, если я пообещаю хорошо вести себя.

Не сказав ни слова, она развернулась и ушла в дом. Но не прогнала, не захлопнула передо мной дверь, и я расценил это как приглашение войти. Прошел в свою комнату, забрался под кровать и уснул.

Ну и как вам такая рождественская история? — поднял я глаза.

Журналистка с ужасом глядела на меня.

— Хорошо. Наверное, этого хватит. — Она топливо сгребла все свои вещи в сумку и накинула

пальто. — Спасибо. Материал выйдет где-то за неделю до Рождества, — и выскочила на мороз.

«Издатель меня возненавидит», — пронеслось вдруг в голове.

Читатели знают меня под псевдонимом Дж. Черчер. Полное же имя звучит так: Джейкоб Кристиан Черчер, или Иаков Христианский Служитель¹. Только в старших классах до меня дошла вся его нелепость, и я тогда подумал, что, видимо, родители просто пошутили: бывают же такие чокнутые, которые называют детей Айма Хогг² и Робин Грейвс³.

Кристиан Черчер. Джей Си Черчер. Вдвойне глупое имя, потому что родители ни разу не водили меня в церковь.

Вы наверняка думаете, будто автор любовных историй должен быть и сам хорош в делах сердечных. Отнюдь. По крайней мере, не в моем случае. Возможно, это как раз тот самый классический пример, когда человек учит (ну, или, как я, пишет), а сам смыслит в этом не больше, чем свинья в апельсинах, — к тридцати четырем годам в моей жизни была лишь сплошная череда неудачных отношений. Но я не сдавался.

---

¹ В дословном переводе с английского языка на русский имя главного героя, Jacob Christian Churcher, звучит как Иаков Христианский Служитель.

² Айма Хогг (*англ.* Ima Hogg) — сочетание имени и фамилии звучит как I'm a hog (*рус.* «я свинья»).

³ Робин Грейвс (*англ.* Robin Graves) — сочетание имени и фамилии звучит как Rob in graves (*рус.* «Роб в могиле»).

Говорят, что только дурак будет биться головой об стену и ждать от этого действия иного результата. Должно быть, я и есть тот самый дурак, но, как по мне, все не так просто. Такое ощущение, будто я изнутри запрограммирован на то, чтобы портить любые отношения.

А может, как в песне поется: я не там ищу любовь¹. Еще на заре моей писательской карьеры один опытный автор дал мне мудрый совет: «Не встречайся со своими читательницами». Я снова и снова гнал его слова прочь, заводил знакомства на автограф-сессиях и завязывал интрижки, которые длились не дольше, чем аромат от жвачки.

Проблема в том, что женщины влюбляются в главного героя, созданного мной супермена. Но не встретив такого человека в реальной жизни (а я желаю вам все-таки его встретить), они иногда заменяют его мной. С этими женщинами я и встречался. Рано или поздно все они понимали, что я такой же сломленный и неполноценный, как любой другой мужчина. А может, даже и хуже.

Но на все, конечно же, есть причина. Мой мир начал рушиться, когда я был еще совсем мал. Виной тому стали два события. Умер брат, и развелись родители. Мне было четыре — возраст, когда быстро все забываешь. 4 августа 1986 года. В этот день не

---

¹ Имеется в виду песня Марка Алмонда (англ. Mark Almond) Looking For Love (In All The Wrong Places).

стало Чарльза. После этого все изменилось. Мама стала другой.

Моя мать, Рут, страдала душевной болезнью. Естественно, ребенок не мог этого знать. Много лет я был уверен, что жизнь и должна быть ежедневным кошмаром с побоями и пренебрежением со стороны взрослых. Когда растешь в психбольнице, сумасшествие становится нормой. И только став подростком, я открыл наконец глаза и посмотрел на свою жизнь со стороны — жуть невообразимая.

Но мать не всегда была жестокой. Иногда в ней просыпалась любовь и нежность. Такие моменты были редки, но очень дороги для меня. И чем старше я становился, тем они случались все реже и реже. Чаще всего мать просто жила в каком-то своем мире.

Ее мучили головные боли, и она много времени проводила в постели, в темноте, сняв с телефона трубку и спрятавшись от света и мира. Я стал не по возрасту самостоятельным. Сам себе готовил, сам собирался в школу, даже стирал в ванной одежду, когда она пачкалась.

Когда мать ложилась спать, я заходил в ее темную комнату проверить, все ли хорошо. Она часто просила меня почесать ей спину. Для этого у нее был специальный карандаш с двумя приклеенными к нему зубочистками, которыми я должен был водить вверх и вниз по спине, шее или рукам. Иногда часами. Это единственное, что заставляло верить, будто она меня все-таки любит и я ей нужен. Порой, пока я чесал ее, она нежно разговаривала

со мной, и я жадно, словно воздух, глотал каждое слово.

В одиночестве я жил не только дома. В школе тоже всегда держался сам по себе. Был одиночкой и до сих пор остаюсь им. Возможно, потому что чувствовал себя старше детей моего возраста. Был замкнутым и серьезным. Мне говорили, что я слишком много думаю. Кроме того, у меня совершенно не оставалось времени на друзей — надо было следить за мамой. Она не раз пыталась покончить с собой и даже впутывала меня в свои планы. Однажды, сунув мне разделочный нож и электрическую точилку, она попросила наточить его так, чтобы он мог порезать запястья.

В другой раз — я уже был старше, — вернувшись из школы, я увидел машину: к выхлопной трубе был подсоединен садовый шланг, другой его конец был просунут в заднее окно, все остальные стекла наглухо закрыты. Мать была без сознания. Я вытащил ее и уложил на бетонный пол гаража. Потом у нее ужасно болела голова, больше она никак не пострадала. Я же переживал это событие еще много лет.

К тринадцати годам мне наконец-то удалось перерасти мать, и она перестала меня бить. Может, потому что я больше не плакал, а может, боялась получить сдачи. Хотя я вряд ли бы поднял на нее руку. Несмотря на все тяготы, которые мне довелось пережить, я не стал жестоким. Нет ничего хуже насилия. До сих пор не выношу.

Воспоминания обо отце очень расплывчатые. Знаю о нем только то, что рассказывала мать, что ему было плевать на меня. Матери верить, конечно,

нельзя, но отрицать его отсутствие было бы смешно — он никогда не пытался стать частью моей жизни. В какой-то степени на него я злился даже больше, чем на мать. Почему его не было? Что за причина? Если я был дорог ему, то как он мог оставить меня в таком месте?

Последний день дома был поразительно будничным. Мне было шестнадцать. Вернувшись однажды вечером с работы из «Тако тайм», я увидел все свои вещи на газоне перед домом. Даже подушку. Дверь была заперта. Не знаю, в чем провинился в тот раз. Да это было и неважно. Во мне что-то щелкнуло. Пришло время уходить.

Я взял с газона самое необходимое и вернулся в закусочную. Там я работал с девушкой по имени Карли, которая всегда хорошо ко мне относилась. Она была чуть старше меня и водила двухцветный, черный с бронзовым, «Шевроле Цитатион». Я рассказал ей, что мать вышвырнула меня из дома, и Карли предложила пожить у нее, пока не найду что-нибудь подходящее.

Карли тоже вылетела из своего сверхрелигиозного дома, когда родители застукали ее за распитием спиртных напитков, поэтому теперь жила с сестрой Кэндис и ее мужем Тайсоном. Я помог подруге прибраться в зале и поехал вместе с ней, все еще не веря, что мне позволят остаться. Тайсон был мощным самоанцем, покрытым татуировками, и внушал неподдельный ужас. Таких огромных людей я еще не встречал.

Но бояться было нечего. Тайсон оказался совсем не страшным, а очень даже добрым. Он так зара-

зительно улыбался, а от его смеха сотрясался весь дом. Кроме того, Тайсон был набожным христианином, и вместе с Кэндис они посещали многоконфессиональную христианскую церковь. Раз в неделю он ходил на утренние уроки Библии. Узнав, что мать вышвырнула меня из дома, Тайсон негодовал. Он сказал, что я могу остаться у них, пока не встану на ноги. Учитывая мой возраст и обстоятельства, предложение было необычайно щедрым.

Они жили в небольшом доме — не больше шестидесяти квадратов, подвал находился в недостроенном состоянии, а стены в ванной когда-то давно были выкрашены в ярко-розовый цвет. Лишней кровати не оказалось, зато нашелся огромный матрас, который мы разложили на полу в подвале. Вот так у меня и появился новый дом.

Днем Кэндис работала секретарем в адвокатской конторе. Тайсон занимался продажами в международной телефонной компании и уже в половине шестого был дома. Почти каждый вечер после ужина он усаживался рядом со мной и расспрашивал, как прошел день.

Здорово было оказаться в мужской компании. Непривычно, но мне нравилось. Кажется, и он проводил это время с удовольствием, потому что Кэндис не разделяла его интересов: регби, острые куриные крылышки и мотоциклы «Харлей-Дэвидсон».

Хоть я и ушел из дому, школу не бросил. Если честно, на учебе настояли Тайсон и Кэндис, но я бы и так продолжал учиться. Школу, правда, пришлось поменять. Теперь она находилась в другом районе.

Новая школа пришлась мне по вкусу, особенно английский и уроки творческого письма. Во многом благодаря преподавателю — хорошенькой вчерашней студентке, Джанин Даймонд. Вы наверняка слышали, как ученики влюбляются в своих учителей — так получилось и со мной. Не знаю, в курсе ли была мисс Даймонд о том, что происходит в моей жизни, но думаю, подозревала. А может, тоже в меня влюбилась (так я себе фантазировал). Как бы то ни было, но она проявляла ко мне особенный интерес и все время подбадривала. Говорила, что я пишу на университетском уровне и вполне могу стать профессиональным писателем. Мне было странно, что кто-то положительно отзывается о моих успехах. Я часто оставался после уроков и помогал ей проверять работы.

Писать для меня было так же естественно, как говорить, даже легче. Намного легче, если честно. Стоя перед аудиторией, я чувствовал себя не в своей тарелке — в голове, словно попкорн в микроволновке, бесполезно скакали слова и мысли.

Я уверен, что пережитые тяготы не мешают, а, наоборот, способствуют нашему успеху. Моя трагедия стала вдохновением для моих историй и развила во мне эмпатию. Чтобы выжить, приходилось постоянно фантазировать. Немало времени я провел в вымышленных вселенных — бежал от реального мира и всей этой боли.

Не сказав мне, мисс Даймонд отправила одну из моих работ на районный литературный конкурс. Я занял первое место. На вручение награды пришли все: Тайсон, Кэндис и Карли. Меня вызвали на